

Марио Пьюзо
—
Крестный отец

Москва
2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
П96

Mario Puzo
THE GODFATHER

Copyright © Mario Puzo, 1969

Перевод с английского *Марии Кан*

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрации на обложке и титуле
Филиппа Барбышева

Пьюзо, Марио.

П96 Крестный отец / Марио Пьюзо ; [перевод с английского М. Кан]. — Москва : Эксмо, 2021. — 576 с. — (Яркие страницы).

ISBN 978-5-04-107871-3

«Крестный отец» — классический роман о жизни одного из могущественных преступных синдикатов Америки — мафиозном клане дона Корлеоне. Написанная с потрясающей достоверностью, книга позволяет читателю без риска для жизни заглянуть в святая святых мафии.

Роман Пьюзо лег в основу знаменитого фильма, снятого Фрэнсисом Фордом Coppолой. Эта картина получила девятнадцать различных наград и по праву считается одной из лучших в мировом кинематографе.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-107871-3

© Кан М. , перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

От переводчика

Как могло случиться, что роман Марио Пьюзо «Крестный отец», которому, казалось бы, по всем законам жанра место в малопочтенной компании полубульварных гангстерских однодневок, попал в сокровищницу мировой литературы?

Многое объясняет тот факт, что это очень талантливая книга — чтение, от которого трудно оторваться. Многое, но не все. Талант, в сущности, не подлежит анализу, попытки «поверить гармонию алгеброй» заведомо непродуктивны. Просто, как актеру бывает присуще некое трудно поддающееся определению, хотя и мгновенно узнаваемое «звездное» качество, так и «Крестному отцу» свойственны несомненные черты супербоевика на все времена — произведения, без которого, что ни говори, история мировой литературы двадцатого века была бы неполной.

В строгом смысле слова эта книга — не гангстерский роман, скорее — сага о возникновении и динамике типического явления, перенесенного, правда, на американскую почву с Сицилии, но связанного не только с его этническими носителями, сицилийскими иммигрантами, а ставшего ныне прискорбно неотъемлемой частью современного бытия практически на всей земле. Сама тема ее, таким образом, принадлежит к разряду неслучайных и насущных.

Недаром сделалась нарицательной воровская кличка «Крестный отец» и вошли в русский язык слова «разборка», «разобраться» в том специфическом смысле, какой придает им герой этой книги — точно так же, как и его присловье «сделать кому-то предложение, от которого тот не сможет отказаться». Все это — свидетельства точного попадания, безошибочности авторского выбора.

Жестокая, жесткая, местами неприятная — таков ее предмет — эта книга, с натуралистически-подробными сценами насилия и обнаженной эротики, отличается, при простоте и даже бедности выразительных средств, непреходящей увлекательностью не слишком хитрого сюжета. И дело тут не в гангстерских «подвигах»: В основе этого напряжения — психологическая драма, человеческие судьбы. Необъяснимая привлекательность главы мафиозного клана дона Корлеоне — не только и не столько в обаянии сильного вожака, но, главным образом, — в его человеческих качествах, в теплоте и психологической тонкости его подхода к людям, в неоднородности одиозной, казалось бы, фигуры.

Не случайно мафиозные кланы именуют себя семействами, а своих главарей — крестными отцами. Личные отношения внутри преступных группировок, в том виде, как их рисует М. Пьюзо, напоминают родственные; дон Корлеоне, вербуя себе приближенных, завоевывает сердца.

Не поверхностная занимательность триллера составляет особенность «Крестного отца». Гангстерский бизнес для его героев — обыкновенных людей, подверженных всем человеческим напастям, скорбям и немощам и вовсе не чуждых иных человеческих достоинств, — серьезное, солидное дело, работа, и заняться ею на американской земле сицилийцев вынудило, по мнению автора, не личное предпочтение, но сила обстоятельств, логика конкурентной борьбы, давление общества. Это оно, на его взгляд, вынуждает пришлых сицилийцев построить свой замкнутый, преступный мир, в котором действуют законы, по-своему неглупые и справедливые.

Писатель постоянно сопоставляет различные установления внешнего, легального и потайного, незаконного обществ, как бы взвешивая их на весах беспристрастности — подчас при этом чаша склоняется в пользу последнего.

Государственная мудрость, с которой главарь мафии дон Корлеоне правит своей империей, выгодно отличается от полной несовершенств системы официального правосудия. Система, созданная мафией, как ни парадоксально, менее подвержена коррупции: оплата здесь в большей степени соответствует заслугам.

Не одних злодеев и вырожденцев видит в этом преступном мире М. Пьюзо, но, сплошь да рядом, ярких, энергичных, недюжинных людей, приверженных патриархальным семейным традициям, узам дружбы, своеобразному кодексу чести. В языке, которым изыясняются его герои, нет и следа блатного жаргона. (Своеобразие их речи — особая удача автора. Каким-то непостижимым образом их американская речь сохраняет обстоятельную степенность недавних жителей европейской провинции, старомодный слог сицилийских крестьян ощущается в речи этих новых американцев, особенно тех, кто, как главный герой книги, принадлежит к старшему поколению).

Люди, которые правят миром мафии, каким мы видим его на страницах романа, могут смело потягаться в мудрости и прозорливости с государственными мужами. Картина всеамериканского съезда мафиозных синдикатов выглядит внушительно, как международная конференция; термин «коза ностра», «наше дело», отчеканенный доном Корлеоне, — сегодня такая же часть реальной жизни, как некогда найденный Уинстоном Черчиллем термин «железный занавес». «Разборка», происходящая на съезде, — не мелочная грызня силовиков, но тонкая дипломатия, пугающе похожая в существенных деталях на шаги законной высокой политики.

Сердечность отношений, понимание человеческих свойств, ценность таких категорий, как уважение, а не

одни лишь коварство, изворотливость и беспощадность отличают персонажей «Крестного отца». Калейдоскоп характеров представляет читателю панораму сицилийской и американской действительности в исторической перспективе. Перед нами, по существу, — извечные проблемы: любовь и смерть, богатство и бедность, верность и вероломство, разум и безрассудство. Те самые, которыми занимается классическая литература. К ней принадлежит и эта замечательная книга — таков ответ на вопрос, заданный в первой фразе.

М. Кан

Крестный отец

КНИГА I

За всяким большим состоянием кроется преступление.

Бальзак

Глава 1

Америго Бонасера сидел в Третьем отделении уголовного суда города Нью-Йорка, дожидаясь, когда свершится правосудие и возмездие падет на головы обидчиков, которые так жестоко изувечили его дочь и пытались над нею надругаться.

Судья, внушительный, важный, поддернул рукава своей черной мантии, словно бы вознамерясь собственноручно разделаться с двумя юнцами, стоящими перед судьейским столом. Тяжелое лицо его застыло в высокомерном презрении. И все же сквозила во всем этом некая фальшь, Америго Бонасера чуял ее нутром, хотя пока еще не мог осмыслить, в чем дело.

— Вы поступили как последние подонки, — резко сказал судья.

Да, думал Америго Бонасера, да, именно. Скоты. Животные. Юнцы — глянцевые шевелюры модно подстрижены, на умытых, гладких мордах постное смирение — покаянно понурили головы.

Судья продолжал:

— Вы вели себя как звери в лесу — ваше счастье, что вам не удалось обесчестить бедную девушку, не то отправил бы я вас за решетку на двадцать лет. — Он выдержал паузу, мазнул лисьим взглядом из-под сурово насупленных бровей по изжелта-бескровному лицу Аме-

риго Бонасеры, нагнулся к столу со стопочкой судебных решений. Потом нахмурился еще сильнее, пожал плечом, как бы превозмогая естественный гнев перед лицом необходимости, и закончил: — Однако, принимая во внимание ваш возраст, вашу не запятнанную прежде репутацию и доброе имя ваших родителей, а также учитывая, что закон, в неизреченной мудрости своей, не призывает нас к мести, я приговариваю каждого из вас к трем годам тюрьмы. Условно.

Лишь сорокалетняя профессиональная привычка управлять своей мимикой дала силы похоронщику Бонасере скрыть прилив негодования и злобы. Его дочка, юная, хорошенькая, еще лежит в больнице со сломанной челюстью, а этим скотам, этим animales, позволяют гулять на свободе? Значит, перед ним ломали комедию. Он смотрел, как сияющие родители сбились тесной кучкой возле своих ненаглядных чад. Еще бы им не сиять, им есть чему радоваться.

Едкая горечь подступила к горлу Бонасеры, рот за стиснутыми зубами наполнился кислой слюной. Он выдернул из нагрудного кармана полотняный белый платок и прижал к губам. Так и стоял, когда те два молодчика, бесстыжие, наглые, с усмешечкой прошли мимо по проходу и даже не взглянули в его сторону. Он пропустил их без единого звука, только крепче зажал себе рот крахмальным платком.

Следом прошли родители — двое мужчин и две женщины, одних лет с Бонасерой, только одеты как коренные американцы. Эти на него поглядели — сконфуженно, но и с вызовом, с каким-то затаенным торжеством.

Не в силах сдерживаться, Бонасера подался вперед к проходу и хрипло прокричал:

— Вы у меня еще поплачете, не мне одному лить слезы — еще наплачетесь от меня, как я наплакался от ваших деток!

Адвокаты, шедшие следом за своими клиентами, подтолкнули их вперед, юнцы, в стремлении заслонить родителей, отступили назад; в проходе образовалась

пробка. Огромный судебный пристав проворно двинулся загородить собою выход из того ряда, где стоял Бонасера. Но это оказалось излишним.

Все эти годы, прожитые в Америке, Бонасера веровал в закон и порядок. Того держался, тем и преуспел. И сейчас, хотя у него мутилось сознание от дикой ненависти, ломило в затылке от желания кинуться, купить оружие, застрелить этих двух мерзавцев, Бонасера повернулся к своей ничего не понимающей жене и объяснил:

— Над нами здесь насмеялись.

Он помолчал и, решившись окончательно, уже не думая, во что ему это обойдется, прибавил:

— За правосудием надо идти на поклон к дону Корлеоне.

В Лос-Анджелесе, среди кричащей роскоши гостиничного люкса, Джонни Фонтейн глушил виски, как самый заурядный обманутый муж. Развалясь на красном диване, он пил прямо из горлышка и, чтобы отбить вкус, сосал талую воду, макая лицо в хрустальное ведерко с кубиками льда. Было четыре часа утра, и его пьяному воображению мерещилось, как он будет расправляться со своей блудной женой, когда она вернется. Если она вообще вернется. Слишком поздно, а то недурно бы звякнуть первой жене, узнать, как поживают его дочки, — звонить друзьям его что-то не тянуло с тех пор, как дела пошли скверно. Было время, когда им лишь польстило бы, вздумай он позвонить в четыре утра, в восторг пришли бы; теперь нос воротят. А ведь подумать только, до чего близко к сердцу принимали невзгоды Джонни Фонтейна самые блестящие кинозвезды Америки, когда он шел в гору. Даже забавно.

Снова припав к бутылке, он услышал наконец, как жена поворачивает ключ в двери, но не отрывался от горлышка, покуда она не вошла в комнату и не стала перед ним. Такая красивая, с ангельским личиком, томными фиалковыми глазами, хрупкая, тоненькая, с точеной фигуркой. Миллионы мужчин во всем мире влюб-

лялись в лицо Марго Эштон. И платили за то, чтоб увидеть его на экране.

— Где шаталась? — спросил Джонни Фонтейн.

— Так, трахалась на стороне, — сказала она.

Она неверно рассчитала, он был не настолько пьян. Перемахнув через журнальный столик, он сгреб ее за ворот платья. Но когда к нему приблизилось вплотную это волшебное лицо, неповторимые глаза, вся его злость иссякла, он размяк. Она насмешливо скривила губы — и опять просчиталась: Джонни занес кулак.

— Только не по лицу, Джонни, — взвизгнула она, — я же снимаюсь!

И все это сквозь смех.

Удар пришелся ей в солнечное сплетение; она упала. Он навалился сверху, и она задохнулась, обдавая его лицо своим сладостным дыханием. Он осыпал тумачами ее плечи, бока, загорелые шелковистые бедра. Тузил ее, как когда-то давно, уличным сорвиголовой, дубасил нахальных сопляков в «адской кухне» трущобного Нью-Йорка. Больно, зато без серьезных увечий вроде выбитых зубов или сломанной переносицы.

И все же он бил ее вполсилы. Не мог иначе. И она открыто куражилась над ним. Распластанная на полу, так что парчовое платье задралось выше пояса, она хихикала, поддразнивая его:

— Ну, давай, Джонни, иди ко мне. Вставляй ключ в скважину, тебе ведь только того и надо.

Джонни Фонтейн встал. Убить ее мало, эту тварь, неузвимую за броней своей красоты. Марго перекатилась на живот, упругим прыжком вскочила на ноги и, пританцовывая, кривляясь как девчонка, пропела:

— А вот и не больно, вот и не больно.

Потом серьезно, с печалью в обольстительных глазах, прибавила:

— Балда несчастная, весь живот отдал, прямо как маленький. Эх, Джонни, век тебе оставаться слюнявым теленком, ты и в любви-то согласишься не больше малолетка. До сих пор воображаешь, будто женщины с муж-

чинами и впрямь занимаются тем, про что ты мурлыкал в своих песенках. — Она покачала головой. — Бедненький. Ну, будь здоров, Джонни.

Она вышла в спальню, и он услышал, как щелкнул замок.

Джонни сел на пол и закрыл лицо руками. От обиды, от унижения его охватило отчаяние. Но недаром он был выкормыш нью-йоркских трущоб, старая закваска, которая помогла ему когда-то выжить в дремучих джунглях Голливуда, заставила его теперь снять трубку и вызвать такси, чтобы ехать в аэропорт. Один человек еще мог его спасти. Нужно было лететь в Нью-Йорк. К этому человеку — единственному, у кого он найдет силу и мудрость, которых ему сейчас так недостает, и любовь, которой еще можно довериться. К его крестному отцу, дону Корлеоне.

Пекарь Назорин, кругленький и румяный, как его пышные итальянские хлебы, все еще припудренный мукой, обвел грозным взглядом свою жену, дочь Катарину, засидевшуюся в невестах, и Энцо, работника своей пекарни. Энцо успел переодеться в форму военнопленного, не забыв нарукавной повязки с зелеными буквами ВП, и стоял теперь, маялся, боясь опоздать к вечерней поверке на Губернаторов остров. Подобно тысячам пленных итальянцев, которых каждый день отпускали под честное слово на работу к хозяевам-американцам, он жил в вечном страхе, как бы не лишиться этой по блажки. И потому нехитрый фарс, который разыгрывался сейчас, был для него делом серьезным.

— Семейю мою вздумал опозорить? — прорычал Назорин. — Подарочек подкинуть на память моей дочке? Поскольку войне конец и Америка, нетрудно сообразить, даст тебе под зад коленом, чтобы мотал восвосяи на Сицилию блох считать в деревне, — так, что ли?

Энцо, коротконогий крепыш, прижал руку к сердцу, чуть не плача, но все же не теряя головы:

— Padre, клянусь Святой Девой, не отвечал я злом на вашу доброту. Я люблю вашу дочь, но со всем моим